

Игумнов Дмитрий Александрович

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В МАТЕРИАЛАХ ИЗДАНИЙ "ГРАЖДАНИН" И "НОВОЕ ВРЕМЯ" В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II

В работе рассматриваются мнения об эпохе Великих реформ, высказанные на страницах изданий "Гражданин" и "Новое время" в первые годы правления Николая II. Автор сравнивает позиции этих органов печати по вопросам о проведении реформ, их значении и результатах для страны. Особое внимание уделяется статьям, связанным с памятью об императоре Александре II и его времени. В результате исследования автор приходит к выводу, что в изучаемых мнениях ярко проявлялись общественно-политические представления в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 62-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

CHRONOTOPE OF SCHOOL IN DOMESTIC CINEMATOGRAPHY

Zharikova Vera Vasil'evna

*Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (VGIK)
verachau@gmail.com*

The article studies the characteristics of the chronotope of school in domestic cinema. The author analyzes in detail the notion formulated by M. M. Bakhtin, who considered chronotope as one of the most important factors determining the genre (or genre variety) of the work. In the case of "school films" (films for teenagers) such a chronotope is the space-time of the school. The main content of the study is the analysis of the characteristic features of this chronotope, the key elements are identified and their value is ascertained.

Key words and phrases: chronotope; film school; film for teenagers; cinematic chronotope; genre in cinematography.

УДК 9; 94

Исторические науки и археология

В работе рассматриваются мнения об эпохе Великих реформ, высказанные на страницах изданий «Гражданин» и «Новое время» в первые годы правления Николая II. Автор сравнивает позиции этих органов печати по вопросам о проведении реформ, их значении и результатах для страны. Особое внимание уделяется статьям, связанным с памятью об императоре Александре II и его времени. В результате исследования автор приходит к выводу, что в изучаемых мнениях ярко проявлялись общественно-политические представления в целом.

Ключевые слова и фразы: Великие реформы; консерватизм; либерализм; самодержавие; публицистика; пресса; интеллигенция; крестьянская реформа; мировые посредники; идейные течения пореформенной России.

Игумнов Дмитрий Александрович*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Dig1988@mail.ru***ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В МАТЕРИАЛАХ ИЗДАНИЙ «ГРАЖДАНИН»
И «НОВОЕ ВРЕМЯ» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II[©]**

Эпоха Великих реформ Александра II произвела огромное впечатление как на современников, так и на представителей следующих поколений. Для них имели значение и обширность преобразований, затронувших все сферы жизни российского общества, и актуальность поставленных ими вопросов.

В российской периодике обсуждение реформ продолжалось десятилетиями после гибели инициировавшего их императора. Для тех публицистов, чья юность и становление пришлось на 1860-е годы, их события стали важнейшей вехой не только истории Отечества, но и собственной жизни.

В этой статье мы рассмотрим взгляды на эпоху Великих реформ, выраженные в публикациях двух органов русской прессы: журнала «Гражданин» и газеты «Новое время», возглавлявшихся князем В. П. Мещерским и А. С. Сувориным соответственно. Мы ставим своей целью рассмотреть взгляды этих изданий не на отдельные события или сферы реформирования (крестьянская реформа, судебная, земская и т.д.), а на эпоху в целом. Нас интересует, какое значение, по мнению упомянутых публицистов, имело реформирование для русского государства и общества, какие проблемы оно решало и решило ли их в результате, кто был инициатором и исполнителем изменений, к каким последствиям они привели.

Рассматриваемый период мы ограничиваем первыми годами правления Николая II. В это время вновь обостряются общественные вопросы, связанные с реформами; при смене царствования происходили попытки осмысления предыдущих периодов и возрождение надежд на будущие перемены. Кроме того, на рубеж XIX-XX веков пришлось несколько дат, связанных с памятью о Великих реформах: открытие памятника Александру II в Москве в августе 1898 года, сорокалетие освобождения крестьян в феврале 1901 года и двадцатилетие убийства императора в марте того же года. Всё это способствовало оживлению дискуссии в прессе.

Князь Мещерский получил стойкую репутацию консерватора и даже «ретрограда» после того, как в 1872 году в первом же выпуске «Гражданина» опубликовал статью «Вперёд или назад». Спустя тридцать лет, в январе 1902 года, он вновь поместил её на страницах своего журнала, охарактеризовав следующими словами: «Князь Мещерский оделся в зелёный цвет, когда большинство было одето в красный. Он поставил свою знаменитую "точку", когда общество, разожжённое реформами 60-х годов, видело за последней из них жирный и обещающий пунктир. Он крикнул: "довольно!", когда всё ревело: "ещё и ещё"!» [10, с. 17]. Повторная публикация свидетельствовала о том, что поставленные три десятилетия назад вопросы так же злободневны, и демонстрировала верность князя взятому консервативному курсу.

При этом Мещерский старательно подчёркивал, что его намерением никогда не являлось прекращение реформ и вообще «движения вперёд» как такового. «Движение вперёд есть такая же потребность для России, как жизнь». Пафос статьи был направлен против «нестройности», «порывистости», «капризов» меньшинства, которым автор противопоставлял идеал «порядка», при котором реформы осуществляются правительством в соответствии с потребностями народа: «вперёд – тихо, стройно и в неразрывном, органическом общении правительства с народом» [4, с. 4].

Были ли реформы царствования Александра II нужны России? Безусловно, да. Император посчитал их проведение необходимым, и это не оспаривается. Слова царского манифеста исходят даже не только от царя, но и от самого Бога: «Слова Государя были просты, но просты они были потому, что исходили в одно время и от самого монарха, и от Бога, как источника любви и правды» [Там же, с. 3]. Освобождение – главная цель всех преобразований – дар царя для блага народа. «Русский Царь из любви к своему народу хотел сделать из русской деревни ниву для всхода народного благосостояния на свободе», – писал Мещерский в январе 1895 года [7, с. 3].

Видимо, для Мещерского был важен вопрос скорее не о необходимости реформ, а об их реализации. С его точки зрения, беда случилась на уровне исполнителей. Среди них были и честные, заслуживающие похвалы деятели, каковыми он считал мировых посредников. О них князь высказался в статье к открытию памятника императору: «Это (*мировые посредники первого призыва – Д. И.*) были лучшие русские люди тогдашней эпохи, лучшие представители русского дворянства, которые одни на своих богатырских плечах вынесли всю тяжесть крестьянского вопроса и благодаря которым весь мир изумился тому спокойствию и порядку, с какими совершилась величайшая социальная революция в государстве» [8, с. 12].

Однако больше Мещерский говорил о деятелях, именуемых им «либералами-интеллигентами». Именно они извратили начинания императора, что привело к трагическим для страны и народа последствиям. Два стремления: облагодетельствовать народ и использовать его для собственных экспериментов – так «Гражданин» видел разницу отношения к реформам царя и интеллигентов.

Об этом подробно говорилось в статье, вышедшей в свет в дни двадцатой годовщины убийства Александра II. Император «провинился» перед интеллигентом в том, что «не с дубиной в руках учил либерализму, как учил цивилизации Пётр Великий, а с кротостью, с любовью к человеку и с верою в его душевные лучшие свойства, звал к себе в сотрудники и в исполнители его желаний народного блага». Но этот призыв был использован интеллигентом для того, чтобы «дать волю своему скверному нраву... не бояться Царя и идти против него». В результате, если «миллионы простого малограмотного русского народа, получившего свободу из рук Царя и дворянства, дали миру чудесное и прекрасное зрелище спокойствия, тишины и порядка», то «на вершинах этого малограмотного многомиллионного народа тысячи интеллигентов под лицемерным предлогом служения народу, им чуждого по духу, пользуются свободой, им данною, с доверием к их призванию работать для блага народа, чтобы работу созидания превращать в работу разрушения, дело любви в дело ненависти» [9, с. 15].

С шестидесятыми годами князь неоднократно связывал расцвет крайне негативно оцениваемой им деятельности либералов. Самим существованием «либеральной партии» мы обязаны «увлечениям и веяниям шестидесятых годов». Тогда в Россию были занесены либералы как «чисто французский элемент». Русский либерал – это тот, для кого «идеал – это его доктрина, а родина для него – это только большая зала для делания в ней разных опытов применения политических доктрин, с полным равнодушием к вопросу: пострадает или выиграет от этого родина». Такие люди и стали исполнителями «великой идеи освобождения крестьян», и «если Русский Царь хотел улучшения крестьянского быта, а либералы захотели только провести свои французские либеральные доктрины» [7, с. 3].

В 1902 году Мещерский назвал «полвека наиболее интенсивной деятельности либерализма» «тяжёлым кошмаром, первыми пятнами в истории России», когда было посеяно «лживое, разноречивое и бесчестное». Вместе с тем он не отрицал и достигнутых успехов, но тут же указывал на то, что «если и преуспел и развился народ русский, то только благодаря инициативе государственной власти и широкой помощи правительства» [11, с. 4].

Главная проблема шестидесятых годов – слишком сильное либеральное направление. Его нечем было уравновесить, оно не дало реформам пойти на благо народу, о чём князь писал в августе 1898 года, замечая, что «мы сделали бесконечно великую ошибку в нашем недавнем прошлом, устранив консерваторов от реформаторских задач для блага России... для блага народа нужен консерватизм и нужен не как фантазия, а как начало, коего необходимость доказана опытом, нужен, как нужен для здания цемент, как нужна для здания прочная основа» [13, с. 2]. Поэтому важно было бы, утверждал Мещерский, правильно осмыслить эпоху, сделать верные выводы из всего происшедшего. Нужны «простые и вдохновенные одною правдою лекции для всей нашей учащейся молодёжи об истории шестидесятых годов в России, в последовательной связи реформ с постепенным развитием беспочвенного либерализма, и с указанием связи этих либеральных увлечений с историею крамолы, приведшей к 1 марта 1881 года» [6, с. 3].

«Гражданин» ярко описывал печальные последствия реформ для народа, ради блага которого они задумывались. В июле 1898 года журнал опубликовал письмо, подписанное «Старожилом деревни», в котором утверждалось, что «оба сословия (*дворяне и крестьяне – Д. И.*) обеднели до последней степени. Кажется, достаточно достигнуто той реформой, от которой все ждали возрождения России». И как вывод: «Могущество и силу приобрели только в царствование благословенной памяти Императора Александра 3. Для могущества же государства надо прежде всего внутренний покой; он нам передан как драгоценное наследство Царём-Миротворцем, его надо и беречь» [14, с. 5].

Соответствовали описанной позиции и чаяния публициста касательно нового царствования. В 1894 году Мещерский радовался тому, что правление нового царя станет продолжением эпохи не его деда, но отца. «Слова о заветах почившего Отца, воспринятых Сыном в минуту вступления на прародительский престол, всё сказали. Смысл их велик и свят именно для Русского народа», – написал он по поводу манифеста Николая II при вступлении на престол [5, с. 2]. О предыдущем же воцарении в том же номере говорится таким образом: «Император Александр III вступил на престол в тягчайший момент, какой когда-либо приходилось переживать России... Казалось тогда, что всё рухнет» [12, с. 2].

Но через несколько месяцев оказалось, что надежды Мещерского разделяют не все, и в январе 1895 года он сокрушался о том, что три месяца спустя после «хвалы преждевременно почившему Монарху» «те же умы начинают шататься под влиянием либеральных идей, требующих от нынешней эпохи, чтобы она была продолжением прерванной 1-м марта 1881 года реформаторской работы... Когда же лгали или лгут?» Не всё, впрочем, пропало, «ведь ещё много на Руси честных Царевых слуг, которые не желают продолжения эпохи 60-х годов, ибо она привела к 1-му марта, а желают продолжения эпохи 80-х годов, потому что она дала жизни порядок» [6, с. 3].

Таким образом, можно видеть, как на страницах «Гражданина» последовательно проводилась идея сильной царской власти, которая осуществляет движение страны вперёд ради подлинных интересов народа. Реформы хороши лишь тогда, когда соответствуют этому идеалу. Но их же проведение опасно перевесом «либеральной партии», усилением равнодушной к России и русским либеральной интеллигенции, которая несёт с собой беспорядок и разрушение устоев. Именно такой вариант, к своей горечи, Мещерский видел в эпохе Великих реформ.

А. С. Суворин в январе 1895 года в очередном «маленьком письме» высказал недовольство тем, что к шестидесятым годам «начинают взывать» подобно тому, как «ещё недавно французы, не исключая Наполеона III, взывали к принципам 89 года». В шестидесятых было «много искреннего увлечения, одушевления, даже самопожертвования, хотя и довольно бессознательного», но не хватало порядка, соответствия поставленным задачам. «Ни правительство, ни общество не были вполне приготовлены к новой жизни, которая стала носить на себе более и более печать раздражительности, нервности, злобы и ненависти».

Суворин указывал на таких участников общественной жизни шестидесятых, как славянофилы и революционеры. О первых он писал с явной симпатией, говоря об их идеях «о Земских Соборах, Церкви, веротерпимости, полной свободе слова, самобытном развитии», которые уже «никто не слушал». Их цели относительно преобразований Суворин описывал подобно тому, что Мещерский высказывал о желаниях императора: «Славянофилы хотели, чтобы реформы непосредственно затягивали в себя народ, чтобы народ вырос и приближался к тому, что называется образованным человеком, как можно полнее, чтобы вся Русь росла и поднималась одновременно и видела и чуяла в реформах осязаемое благо».

Революционеры обещали то же, что славянофилы, но немедленно, без «постепенного развития», и общество им симпатизировало. «Поди, жди там, когда постоянное и непрерывное развитие, да притом ещё в этом “русском стиле”, давно осмеянном, дало бы народу все те блага, на которые он имеет права». Суворин с неприкрытой иронией говорит о стремлении к материальным удовольствиям, лёгкости и безответственности, которое он находит в тогдашнем обществе: «хотелось более всего севрюжины, удовольствия, ничегонеделания, празднословия, праздномыслия, лёгкой и хорошей жизни, пожалуй, конституции, но непременно с севрюжиной, а пожалуй, и революции, тоже с севрюжиной, а пожалуй, и коммунизма с алюминиевыми дворцами». Потому такое общество и приветствовало революционные обещания «всего и сразу», не думая о том, что в «алюминиевых дворцах» простой мужик «играл бы только роль банщика, водовоза, чистильщика, полового с салфеткой и т.д.» [15, с. 470-471].

Эти размышления восходят к прошлому самого Суворина. Славянофилы когда-то пользовались его симпатией, а Земский Собор, по словам Динерштейна, «Новое Время рассматривал... как форму реализации национальной идеи» [1, с. 71]. «Алюминиевые дворцы» явно отсылают читателя к «Что делать?» Чернышевского. Динерштейн приводит в своей монографии сделанное Сувориным в 1879 году признание, что из романа он запомнил именно дворцы: «Я не читал романа всего... а лишь отрывками, да и то 15 лет назад. Тогда роман показался мне скучным, деланным; помню только, что хвалили изображение матери Веры Павловны и все смеялись над алюминиевыми дворцами» [Там же, с. 26-27].

В процитированном «Маленьком письме» заметно то, что об Александре II как инициаторе или хотя бы деятеле реформ ничего не говорится, но упомянут Александр III. Для мещерского он – тот, кто «навёл порядок» и остановил движение России по гибельному пути беспределного либерализма. Суворин же оценивает его несколько иначе. «Император Александр 3 миротворец не потому только, что он держал мир в Европе, но и потому, что в его царствование примирились и внутренние партии». Он «подготовил примирение допетровской Руси с новой Русью, и стало ясно, что было хорошего, жизненного до Петра, что и теперь не потеряло своего значения, и что нехорошего было и есть в этой новой Руси» [15, с. 471]. Разница заметна: Мещерский хвалит императора за противодействие, противление направлению предыдущего царствования, Суворин делает акцент на примирении разных течений. Александр III «заставил нас передумать о всём прошлом», его правление стало скорее не «возрождением традиции», но шагом вперёд, к чему-то новому.

Об Александре II Суворин высказался в августе 1898 года в связи с установкой памятника ему. В «Маленьком письме» на страницах «Нового времени» от 16 августа он заявил, что «всякому, даже пристрастному, человеку» ясно, что царствование Александра началось собой «новую жизнь» так же, как и царствование Петра. Но при этом «Пётр был гений, Александр II не был гением», и после этих слов Суворин говорит уже о том, что явилось

главным в то царствование: «русская земля была гениальнее и восприимчивее, чем при Петре». Реформы показали, «какие силы кроются в нашей земле и как она может быть производительна при хорошем уходе, тепле и свободе». Таким образом, сделано весьма откровенное признание того, что первостепенной силой оказался не император и не правительство, а «земля», которая оказалась готовой для «производства» в новых условиях.

Суворин отметил западническое направление эпохи и прямо одобрил его: «Впервые с царствования Александра II мы зажили европейскою жизнью и вместе с тем стали осознавать себя... Истинная европейская волна проникла к нам только с той весной, о которой сказал я и которая так озарила нас всех». Самое важное, что было сделано, – освобождение «рабов», как он прямо именует крепостных крестьян, всё прочее стало следствием этого. «Не принеси эта весна свободы рабам, – она ничего бы не принесла... Свобода рабам принесла и новый суд, и земство, и умножение великих школ и дорог и, главное, умножение духа самосознания». В «освобождении рабов» и «учреждении нового суда» выразилась «вся доброта, вся воля» императора. Это, конечно, надо признать похвалой, однако тут же Суворин замечает и ещё одно обстоятельство – отсутствие «гениальности» не только у императора, но и у его составляющих правительство сподвижников. Александр «беден был истинно даровитыми сотрудниками, людьми с убеждениями искренними и непреклонными... на вершинах администрации не было таких “властителей дум”, таких ярких талантов, таких искренних и одарённых людей, которые понимали бы и душу царя, и душу своего отечества».

У Мещерского, как помним, имеется схожая мысль о «ниве для всхода народного благосостояния», однако акценты, поставленные публицистами, явно отличаются. Мещерский предпочитает говорить о «даре царя», захотевшего осчастливить народ, Суворин – о том, как сама «земля» процветает в новых условиях. Царь выступает, скорее, как тот, кто позволяет начаться росту, а затем «земля» уже самостоятельно показывает обилие скрытых в ней и готовых к деятельности сил. Соответственно с этим авторы понимают и открытие памятника. Мещерский, как было показано выше, скорбит о том, что «забыты славные ветераны» – мировые посредники, «вынесшие всю тяжесть крестьянского вопроса». Суворин признаёт императора «родоначальником свободной России», но памятник для него – символ «непрестанного обновления (*Руси – Д. И.*) в духе русской свободной народности, верной своим царям, своей вере и всем лучшим заветам своей истории» [Там же, с. 655-657].

Можно полагать, для Суворина было важным именно нравственное значение реформ: благодаря освобождению стало возможным развитие общества, умножился «дух самосознания». Но в «Новом времени» звучали и другие мнения. В статье «Вместо предисловия» в номере от 13 ноября 1894 года Житель (под этим псевдонимом в «Новом времени» публиковался А. А. Дьяков) писал: «Реформы сочинять можно каждый день, но привить их народному самосознанию можно только долгой и упорной работой, и вот этой-то культурной работы покуда мало видно». Народ был не подготовлен к реформам Александра II, и выделившиеся из народа «новые слои» «довершили разгром крепостной эпохи и вышли своего рода мародёрами над поваленным, старым строем». Необходимой культурной работы «хватит не на одно, а на десятки грядущих поколений», – утверждал автор в конце статьи [2, с. 2].

В «Маленьком письме» от 27 января 1902 года Суворин, рассуждая о возможном упадке сельского хозяйства и подъёме промышленности, заметил, что «Российская империя состоит не из одних помещиков, и если существовало крепостное право, которым пользовались они, то это было до потопа, и радуга 19 февраля не исчезнет с нравственного горизонта русской земли до окончания века» [15, с. 928]. Эту аллюзию на библейский Всемирный потоп можно сопоставить с приведёнными выше словами Мещерского о том, что царское провозглашение исходит от Бога. В обоих случаях авторы, используя религиозные темы, выражают своё отношение к происходившему. И если Мещерский восхищался тем, как царская власть ведёт народ по верному пути, то Суворин вновь затрагивал тему прогресса, освобождения от прошлого через переживание стихийного бедствия.

Звучала в «Новом времени» и тема необходимости реформ после Крымской войны. В неподписанной статье «Лишняя напраслина о реформах Александра II» в номере от 27 сентября 1895 года говорилось: «не реформы императора Александра II породили необходимость этого господства капитала, а породила её та самая сила вещей, которая в современных условиях обязывает государство» заботиться о самосохранении. Крымская кампания, по мнению автора, показала, что «одной сословной честью» нельзя одержать победу «и именно отсюда вытекли все те усилия для подъёма экономических сил страны и её культурности, которых не могли не поднять силу и значение капитала» [3, с. 1].

Подводя итоги, можно сказать, Мещерский постоянно говорил о ценности традиции, Суворин – о ценности прогресса. Движение вперёд для Мещерского должно было происходить под руководством царской власти, «либеральное начало» при этом обязательно должно было уравниваться началом консервативным и подчиняться главной ценности – единству Царя и народа.

Самоволие либералов при проведении реформ описывалось Мещерским как трагедия, «гибельный путь», вовремя пресечённый новым государем. Для Суворина же «беспорядок» – это нечто неприятное, болезненное, но не трагическое. Из него, скорее, вырастают некие новые начала, открывающие путь в будущее. Логика Мещерского – государственническая и монархическая, он с радостью описывал властного царя, дарующего преобразования своим подданным. Логика Суворина можно назвать эволюционистской. Для него главным оказалось «произрастание земли», некий «естественный процесс», роль же власти выглядит как создание подходящих условий для этого. Таким образом, взгляды, высказанные публицистами об эпохе Великих реформ, показывают их представления о государстве и обществе в целом.

Список литературы

1. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. 375 с.
2. Житель. Вместо предисловия // Новое время. 1894. № 6721.
3. Лишняя напраслина о реформах Александра II // Новое время. 1895. № 7027.
4. Мещерский В. П. Вперёд или назад? // Гражданин. 1902. № 1, 2.
5. Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1894. № 291.
6. Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1895. № 17.
7. Мещерский В. П. Дневник // Гражданин. 1895. № 19.
8. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. 1898. № 59.
9. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. 1901. № 17.
10. Мещерский В. П. Маленькие мысли // Гражданин. 1902. № 1, 2.
11. Мещерский В. П. Мысли дворянина // Гражданин. 1902. № 50.
12. Мещерский В. П. Под первым впечатлением // Гражданин. 1894. № 291.
13. Мещерский В. П. Речи консерватора // Гражданин. 1898. № 64.
14. Письма в редакцию // Гражданин. 1898. № 53.
15. Суворин А. С. В ожидании века двадцатого. Маленькие письма (1889-1903). М.: Алгоритм, 2005. 1024 с.

**EPOCH OF GREAT REFORMS IN THE MATERIALS OF THE EDITIONS “CITIZEN”
AND “NEW TIME” IN THE FIRST YEARS OF THE REIGN OF NICHOLAS II**

Igumnov Dmitrii Aleksandrovich
Lomonosov Moscow State University
Dig1988@mail.ru

The article considers opinions on the epoch of Great Reforms expressed in the pages of the editions “Citizen” and “New Time” in the first years of the reign of Nicholas II. The author compares the positions of these organs of the press on the issues of the reforms implementation, their significance and results for the country. Special attention is focused on the articles connected with the remembrance of emperor Alexander II and his time. As a result of the research the author comes to the conclusion that in the studied opinions socio-political ideas in whole were clearly shown.

Key words and phrases: Great Reforms; conservatism; liberalism; autocracy; social and political essays; the press; intelligentsia; peasant reform; conciliators; ideological trends of post-reform Russia.

УДК 793.3

Искусствоведение

В данной статье рассматривается взаимосвязь нашего тела с сознанием и духом. Изучая различные аспекты этой целостности, проявляя свободу и богатство ее выразительности, можно заново открывать телесную мудрость. Поскольку танец является, прежде всего, декоративным и высокохудожественным искусством, то движения и позы танцовщика должны быть красивыми, изящными и грациозными. Авторы приходят к выводу, что для исполнения танца требуется постоянное взаимодействие всех частей тела в идеально отлаженных движениях, ни одно из которых не может быть лишним.

Ключевые слова и фразы: душа танца; язык танца; искусство; художественный образ; телесная мудрость.

Карпенко Виктор Николаевич, к. пед. н., доцент

Карпенко Ирина Анатольевна

Фильчакова Елена Александровна

Белгородский государственный институт искусств и культуры

nikita-61@mail.ru

ТАНЕЦ КАК ОТКРОВЕНИЕ ДУШИ®

Формирование наших душ происходит уже в детстве. Душа и тело по своей сути едины. Душа формирует тело, а тело – душу. Недаром говорят, что тело – это храм души, а глаза – его зеркало. Конечно, тело и душа как материальное и духовное состоят из разных материй, относятся к разным ипостасям, однако в нас связаны в единое целое неразрывно самим создателем.

Искусство выразительных движений человека (танец, театр, пантомима, цирк) – это исполнительская и зрелищная семиотика. Их объединяет и отличает от других искусств не только то, что их фактура, плоть – это тело человека, но и то, что в танце (или театре) произведение искусства возникает на глазах зрителей. Они являются видами искусства, существующими только в момент исполнения. С окончанием представления, танца и т.п. они перестают существовать. По этой причине их также называют нефиксированными формами